

природа **зла**

Александр
Эткинд

природа
ЗЛА

КУЛЬТУРНАЯ
ИСТОРИЯ
ПРИРОДНЫХ
РЕСУРСОВ

Новое
Литературное
Обозрение

2024

УДК 31/36:930.85

ББК 71.11

390

Эткинд, А.

390 Природа зла: Культурная история природных ресурсов / Александр Эткинд. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 512 с.

ISBN 978-5-4448-2166-4

Это книга фактов и парадоксов, но в ней есть мораль. Текст соединяет культурную историю природных ресурсов с глобальной историей, увиденной в российской перспективе. Всемирная история начиналась в пустынях, но эта книга больше говорит о болотах. История требует действующих лиц, но здесь говорят и действуют торф и конопля, сахар и железо, мех и нефть. Неравномерность доступных ресурсов была двигателем торговли, и она же вела к накоплению богатств, росту неравенства и умножению зла. У разных видов сырья — разные политические свойства, и они порождали разные социальные институты. Поэтому сырьевые зависимости редко сменяли друг друга без войн и революций. Ни один из этих кризисов не пропал впустую, они вели к драматическим изменениям в отношениях между трудом, сырьем и государством. На пороге климатической катастрофы в борьбу людей за различение добра и зла включилась сама природа. Наш мир — итог ее временного единения с человеком. И раз уж изменить его не удалось, надо понять, как он устроен.

УДК 31/36:930.85

ББК 71.11

Фото на обложке:

© Photo by Irina Iacob on Unsplash.com

© А. Эткинд, 2024

© Н. Агапова, дизайн обложки, 2024

© 000 «Новое литературное обозрение», 2020; 2023; 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

К новому изданию «Природы зла».....	7
Благодарности.....	8
Предисловие	10
Часть 1.	
МАТЕРИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ	21
Глава 1.	
ПОЖАР В ЛЕСУ	23
Глава 2.	
ПУТЕМ ЗЕРНА	42
Глава 3.	
ОСТАТКИ ЧУЖИХ ТЕЛ.....	79
Глава 4.	
УДОВОЛЬСТВИЯ ОПТОМ.....	116
Глава 5.	
ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ ВОЛОКОН.....	157
Глава 6.	
ЧЕРЕДА МЕТАЛЛОВ	214
Часть 2.	
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ	271
Введение	273
Глава 7.	
СЫРЬЕ И ТОВАР	276
Глава 8.	
РЕСУРСНЫЕ ПРОЕКТЫ	311
Глава 9.	
МЕРКАНТИЛЬНЫЙ НАСОС	335

Глава 10.	
РЕСУРСНАЯ ПАНИКА	368
Часть 3.	
ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.....	393
Глава 11.	
ТОРФ	397
Глава 12.	
УГОЛЬ.....	407
Глава 13.	
НЕФТЬ	425
Заключение.	
ЛЕВИАФАН ИЛИ ГЕЯ.....	472
Литература.....	495

К новому изданию «Природы зла»

Эта книга была написана на русском языке, но после первого издания продолжала жить бурной международной жизнью. Работая с ее переводчиком на английский Сарой Джолли и переводчиком на немецкий Марином Малеком, я дополнил текст несколькими важными для меня кусками и исправил некоторые ошибки. Моя искренняя благодарность им обоим!

Для английского издания нашелся другой подзаголовок, который показался мне более удачным, и я решил использовать его в новом русском издании. Самое большое из дополнений касается главы 5 — секции об опричнине как конопляном царстве, ориентированном на экспорт. После 2020 года, когда был издан русский вариант книги, история двинулась вперед гигантскими шагами. Некоторые из моих суждений и предсказаний, суммированных в заключительных главах, уже осуществились, другие ждут своего часа. Эти последние главы книги, касающиеся недавней истории, я решил не обновлять.

Благодарности

Я писал эту книгу среди множества других дел и благодарен им за то, что они все же дали мне ее закончить. Мне очень помогла щедрость Европейского Университетского Института во Флоренции; он хоть и не дает обычных академических отпусков, но предоставляет другие возможности и стимулы для работы. Книга росла благодаря аспирантским семинарам «Культурная история природных ресурсов» и «Демодернизация в сравнительной перспективе», а также работе над внутренним грантом ЕУИ «Ресурсы для демодернизации: Ископаемое топливо и человеческий капитал в странах Восточной Европы». Несколько когорт наших замечательных аспирантов внесли свой вклад многими вопросами и сомнениями. За поддержку моих начинаний и критику моих идей я искренне благодарен Федерико Ромеро, Регине Графе, Павлу Колажу, Дирку Мозесу и Анн Томпсон.

Эта книга начинается историей, которую я узнал от одного из самых близких и давних своих друзей Дмитрия Панченко. Менее заметен, но очень важен многолетний диалог с Олегом Хархординым. Из разных концов Европы Лиф Венар, Михаил Минаков, Каспар Шулецки и Сергей Медведев помогли мне вниманием и советом. За умелое разъяснение одного сюжета из петровских времен я благодарен Евгению Анисимову. Клим Колосов помог мне с немецкой этимологией. Для многих страниц этой книги Тимоти Митчелл был источником вдохновения, и полученное от него напутствие сыграло свою роль. Первым читателем и редактором

Благодарности

рукописи была Мария Братищева; все пропущенные ею ошибки остаются на моей совести. В более широком плане, я навсегда благодарен Светлане Бойм, Леониду Гозману, Джею Уинтеру, Саймону Франклину, Илаю Зарецки, Нэнси Фрейзер, Максин Берг, Алайде Ассманн и Стивену Коткину: вместе с личным светом и теплом, зерна их идей проросли неисповедимыми путями. Но главные мои благодарности в самом конце книги: помещенный там короткий список литературы — это длинный перечень моих интеллектуальных долгов.

«Природа зла», моя шестая книга, которую издает «Новое литературное обозрение» — плод настоящего соавторства с издательством, которое продолжается десятилетиями. За это и многое другое я приношу глубокую благодарность моим друзьям Ирине Прохоровой и Илье Калинину, а также всему коллективу НЛО и, конечно, нашим общим читателям.

Обсуждая эти главы с моими юными сыновьями, Марком и Микой, я понял, что раньше писал о проблемах ровесников и предков, но эта книга о заботах совсем нового поколения. Ему она, значит, и посвящается.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шел 33 год новой эры, хотя об этом не знал никто. В империи был неурожай, в столице финансовый кризис, в колониях беспокойство. Император Тиберий выдал банкам 100 миллионов сестерциев, чтобы те раздали ссуды землевладельцам. Хлеб только вырос в цене. «Дороговизна съестных припасов едва не привела к мятежу» в столице, — писал критически настроенный Тацит. В Иерусалиме был казнен Иисус, поднявший восстание против местных финансистов; один из его сторонников, Матвей, был сборщиком налогов. В том же году беда случилась и с богатейшим человеком империи, Секстом Марием. На его рудниках в Испании добывали серебро, золото и медь, а из них делали деньги и оружие. Секст был осужден за кровосмесительную связь с дочерью; за это его сбросили со скалы. «И чтобы ни в ком не вызывало сомнения, что его погубило богатство, Тиберий присвоил себе принадлежавшие ему серебряные и золотые рудники, хотя они подлежали передаче в собственность государства», — объяснял Тацит. В знак протеста один приближенный Тиберия даже покончил с собой. Через несколько лет в аналогичном кризисе оказался новый император, Калигула. Испанские рудники уже были конфискованы, зерновые склады Рима истощались, и гвардия предпочла убить императора, чем драться с разъяренным народом за

остатки хлебных запасов. Новый император, Веспасиан, обложил налогом сортиры. «Деньги не пахнут», — сказал он.

У этой книги необычные герои: торф и конопля, сахар и железо, треска и нефть. Разные виды сырья — части природы, элементы экономики, двигатели культуры. Из них создана цивилизованная жизнь; их особенности объясняют поведение и опыт исторических обществ; они находятся в особенных отношениях с государством. В этом и состоит мой главный сюжет. Следуя за ним, мы увидим много бумов и еще больше кризисов: одни кончались катастрофами, после других жизнь продолжалась как прежде, но бывали и события, которые начинали новую эру. Ни один из этих кризисов не пропадал впустую; они вели к драматическим изменениям в отношениях между человеческим трудом и разными видами природных ресурсов.

Каждый сырьевой кризис ведет к разорению одних и обогащению других — к смене элит, войнам и революциям, а потом снова к росту неравенства. Государство собирает запасы зерна, оправдывая это тем, что в случае голода отдаст их народу; люди копят золото, надеясь укрыть свои доходы от государства; и все полагаются на планы, мир и стабильность. Но в случае голода или восстания накопленные ресурсы перераспределяются по новым, никем не предсказанным правилам. Так Тиберий убил владельца рудников, чтобы раздать ссуды землевладельцам. Спасая одни права собственности, Тиберий нарушил другие. Так поступали многие правители — они слишком хорошо знали то, чего не знали менялы: что разные капиталы не равны между собой, даже если их обменная стоимость одинакова.

У владельца серебряных шахт могло быть больше сестерциев, чем у всех землевладельцев империи. Но производителя серебра можно объявить врагом, отнять его шахты и присвоить его капитал; а производителей зерна так много, что сделать их врагами — самоубийство. Серебро — точечный ресурс, создающий богатство при сравнительно малом применении труда; напротив, зерно — диффузный ресурс, в котором велика часть вложенного труда. Суммы, исчисленные в денежных единицах, могут быть

сравнимы; но серебро не равно зерну так же, как оно не равно воздуху. От нехватки серебра страдают богатые; от нехватки зерна страдают бедные; от нехватки воздуха страдают все. Менялы считают деньги, будто это всеобщий эквивалент; правители опираются на качественные различия между ресурсами. Разные природные ресурсы имеют разные политические свойства. Может быть, серебряные сестерции и не пахли. Но понюхайте доллар или рубль, как нюхают цветы: они пахнут нефтью.

Национальное хозяйство, занятое металлами, складывается иначе, чем хозяйство, сосредоточенное на текстиле, а последнее устроено иначе, чем хозяйство, зависящее от нефти. Исторические цивилизации часто сосредотачивались на определенном типе отношений с природой, что не мешало им добирать недостающее торговлей или колониями. Замкнутость сырьевых парадигм вела к состоянию, которое французский социолог и философ Бруно Латур обозначил как монотатурное. Противоположное мультикультурное состояние отражает внутреннюю сложность и разнообразие культуры; монотатурность или, точнее, моноресурсность выражает склонность цивилизации упрощать свои отношения с природой.

Специализация на избранном виде сырья превращает его в фетиш — навязчивую идею, которая пропитывает культурные образы и направляет экономические практики. Карл Маркс писал о товарном фетишизме, но для понимания сырьевого фетишизма лучше подходит теория доминирующего сырья (*staple theory*), сформулированная канадским социологом Гарольдом Иннисом (см. главы 3 и 7). Моноресурсная экономика упрощает культурно-политическую систему, подключая суверена непосредственно, в обход людей, к естественному источнику его власти. На многих примерах я демонстрирую, как череда ресурсных фетишей определяла культурное воображение, программируя его символы и формируя «второе тело короля»: так, используя классическую формулу немецкого историка Эрнста Канторовича, венесуэльский антрополог Фернандо Коронил определял роль нефти в своей стране, и это рассуждение стоит применить ко многим другим случаям (см. Главу 13).

Экономисты давно пишут о том, что ресурсы, находящиеся в земле, больше похожи на активы, чем на товары. К примеру, цена золотого слитка не зависит от стоимости его добычи, как стоимость актива не зависит от банковских служащих. Цену золотого слитка определяют другие факторы: скорость инфляции, праздники в Индии, ожидания войны. Цена природного ресурса принадлежит к другому миру, чем цена товара, отражающая труд ученых, инженеров, дизайнеров, рабочих и продавцов. Но стоит ли настаивать на противоположности сырья и товара в нашем мире, смешивающем оппозиции? Дело здесь не в метафизической бинарности, а в непрерывности количественных различий. Любой товар — зерно, стол или смартфон — состоит из природного сырья и вложенного труда. Сырьевая составляющая в свою очередь состоит из двух компонентов — материи, из которой сделан товар, и энергии, которая пошла на его изготовление. Стол состоит из дерева или пластика; в смартфоне задействовано больше ста разных сплавов и пластмасс. Будь то стол или девайс, для их создания требуется энергия, которую дает сжигание угля или газа. В отличие от труда, который подчиняется правилам и поддается обобщениям, сырье всегда было делом случайных открытий, дальних путешествий, удачных авантур или, напротив, катастроф. Амбиции правителей, причуды природы, ошибки ученых, корысть менеджеров — все это вело к тому, что суверен вновь оказывался наедине со своими шахтами, приисками, скважинами, а посредники приносились в жертву.

Труд законопослушен; непокорная природа полна случайностей и причуд, чуждых человеческим интересам. В отличие от труда или знаний, природные ресурсы имеют свойство иссякать. Добыча начинается с максимальной производительности: море кишит рыбой, золото блестит в ручьях, нефть бьет фонтаном. В начале любого ресурсного цикла есть свое Эльдorado. С годами земля теряет плодородие, шахты становятся все опаснее, а скважины все глубже. Рыбы в море и деревья в лесу исчезают в результате «трагедии общин»: люди истощают драгоценный ресурс, считая его безграничным, поскольку он не принадлежит никому

в отдельности. Но дело не только в общинном пользовании. Даже индивидуальный собственник истощает свою землю, и ему нужны такие сложные приемы как севооборот. Находящиеся в частной или государственной собственности фонтаны нефти пересыхают одинаково. Нефть приходится качать, идя на все большие расходы, а соседние месторождения обычно менее продуктивны.

Обсуждая этот эффект, экономисты XVIII века сформулировали «закон убывающей отдачи». Он применим только к дарам природы, тогда как по отношению к продуктам труда действует обратный эффект — «экономия на масштабе»: при расширении производства повышается производительность. Каждую следующую тонну зерна, серебра или угля труднее добыть, чем предыдущую; но каждый новый гвоздь, ботинок или автомобиль сделать легче, чем предыдущий. Если пахарь расширит свое поле или добавит больше удобрений, то его расходы на центнер пшеницы увеличатся; но если мельник увеличит производство муки, его затраты на центнер сократятся. Труд и знание бесконечны, ресурсы ограничены, и потому добыча всегда отличается от производства, экстракция от продукции. «Такой взгляд на мир наполнял глубокой меланхолией труды основателей нашей политической экономии», — писал великий британский экономист Джон Мейнард Кейнс. Приближение климатической катастрофы добавило к этим тревогам о зерне и угле самые насущные ресурсы — воздух и воду.

Первым теоретиком сырьевой экономики был Ричард Кантильон, франко-ирландский финансист, разбогатевший и потом разорившийся на инвестициях в американские колонии. Это он понял, почему труд приносит больше прибыли, чем сырье, и почему метрополии богатеют, а колонии нет. Еще одним сквозным героем этой книги является русский экономист и писатель Александр Чаянов, автор идеи моральной экономики. В эпоху антропоцена такие концепции переходят в критику глобализации и поиск ее альтернативы «с человеческим лицом». Я тоже верю в пересмотр классической традиции: неолиберальный канон на деле не новый и не либеральный. Центральная роль сырья и энергии

в политической жизни современных обществ требует новых идей. Близость климатической катастрофы меняет понимание прошлого и настоящего.

Одно из следствий — материальный поворот, критически важный для гуманитарных и социальных наук. Материальный поворот в 2010-х годах сменил прежний интерес к институтам и более раннее увлечение языком и дискурсом, характерное для прошедшего века. О материальном повороте или новом материализме говорят антропологи, социологи и философы, но более всего историки; экономисты пока, кажется, до этого поворота не дошли. Вопрос не в том, что первично и что вторично, ресурсы или институты; связи между ними не причинно-следственные, а те, что основаны на длительном сожительстве, которое ведет к общим привычкам, даже симбиозу. Пшеница с ее родовыми особенностями не была причиной становления ранних государств Месопотамии или крепостного права в России; но особенности этих политических институтов соответствовали особенностям злаков, например их удивительной способности к одновременному созреванию. Такое же избирательное сродство надо научиться видеть между сахарным тростником и британским меркантилизмом, коноплей и русской опричниной, хлопком и рабовладельческими плантациями, углем и Промышленной революцией, нефтью и глобализацией. Нечеловеческие факторы истории перекрещиваются и иногда сливаются с живыми, работающими людьми. Латур много говорил о «нечеловеческой субъектности», non-human agency. Это парадоксальное понятие работает в обе стороны: освоение людьми природы то наделяет природные явления независимой субъектностью, то лишает этой субъектности самих работающих людей. В этом смысле шелк породил государства Великого шелкового пути; серебро и шерсть определили особенности Испанской империи; сахарный тростник создал рабовладельческие плантации британской Вест-Индии, а хлопок — американского Юга; зерно породило крепостное право; уголь открыл путь промышленной революции; и наконец, нефть создала петрогосударства. В течение XIX века потребление энергии на душу населения выросло вдвое,

в XX веке — на один-два порядка. Но этот рост ограничен сверху. Нефть не кончится — кончится воздух.

Я постараюсь показать это сырьевое разнообразие снизу вверх, от земли к государству. Для разных ресурсов в этом движении всякий раз есть четыре этапа. Первый начинается с природных особенностей сырья. На втором этапе мы узнаем способы его обработки, которые определяют специфику востребованного труда. На третьем этапе мы перейдем к институтам, организующим этот труд и извлекающим сырьевую ренту. На четвертом займемся политическими особенностями государства, которое зависит от данного сырья.

Нечеловеческие факторы истории взаимодействуют со страждущими, надеющимися или, наоборот, разочарованными людьми. Хорошая история всегда переплетает разных людей, страны и дисциплины; самый глубокий уровень такого переплетения — связь между ресурсами и институтами, между сырьем и трудом и, наконец, между природой и моралью. Так материальная история соединяется с интеллектуальной: людей не понять без того, что они сами так хорошо знали в своем мире, — без шелка и зерна, золота и угля. И обе — история материалов и история идей — переплетаются с историей нравов. Если в междисциплинарной истории есть своя царица наук, то это моральная история. Ни происхождение государства, ни империи и революции, ни глобальное потепление не понять, игнорируя политическое зло — его разновидности, изменения и источники. Политическое зло выражается во внутреннем и международном насилии, публичной несвободе и экономическом неравенстве; это давно известно. Новость в том, что политическое зло совпало с экологическим злом. Слияние четырех осей истории — политики, экономики, экологии и морали — является особенной чертой современности. Ранее неравноправные — одни были важнее других — или независимые, они соединяются в одно целое. И чем дальше несется вперед этот ромб истории, тем яснее участвующим наблюдателям, что экономика уступает позицию лидера экологии, а политика станет неотличима от морали.

Эта книга евроцентрична и, более того, сосредоточена на историческом опыте Северной Евразии, от Англии и Голландии до России. Опыт глобального Юга приобрел доминирующее значение в нашу постмодернистскую, постколониальную и постсоциалистическую эпоху. С глобальным потеплением, меняющим самый фундамент мировой истории, пришло время уравновесить и этот дисбаланс. В последнее время постколониальные исследования были сосредоточены на Глобальном Юге, постсоциалистические исследования на Глобальном Севере — и оба они способствовали нашему пониманию естественной истории зла. Эта книга рассматривает глобальные ресурсы в северной перспективе.

Север так же глобален, как и Юг. Реки, болота и бездорожье Евразии не менее романтичны, чем открытые моря и пустыни Юга. В надвигающейся на нас жаре мы чувствуем новое обаяние холодных, окутанных туманом историй Севера — стихов Оссиана, опер Вагнера, эпоса Лескова и Толкиена или (свежий пример) «Игры престолов». Но моя книга посвящена реальной, а не выдуманной истории. Представляя глобальную картину взлета и падения ресурсозависимых государств, я часто подкрепляю свои аргументы историческим опытом России. Не более и не менее важное для историка, чем любая другая империя, российское государство было типическим для них всех в постоянной зависимости от сырьевой торговли; в его неоднократных кризисах, сопровождавших переход с одной ресурсной платформы на другую; и, несмотря на частые неудачи, в его роли во внешней и внутренней колонизации человеческого мира.

Новые проблемы вынуждают по-новому прочесть древние рассуждения — и признать господствующие идеи скороспелыми и старомодными, а забытые учения остро актуальными. Экономисты и социологи большей частью верят в презентизм: понимание современности надо искать только в современности. Не вполне разделяя эту веру, я не согласен и с таким историзмом, который считает сегодняшние новости продолжением вчерашних тенденций. Главные новости ничего не продолжают — они начинают. Моя позиция соединяет морализм с натурализмом. Зло коренится

в природе, и она же его ограничивает. Но выбор зависит только от человека, и он делает его здесь и сейчас. Исторический опыт важен для политического выбора именно как опыт — не набор ролевых моделей, но многообразии удивительных ситуаций, которые уже тем отличаются от нынешней, что исходы их известны. Полезно здесь и понимание ранних эпох европейской истории, в которых Маркс видел первоначальное накопление, Поланьи — великую трансформацию, а я вижу в них действие меркантильного насоса (см. главу 9, центральную в этой книге). Как писал Маркс, «первоначальное накопление играет в политической экономии приблизительно такую же роль, как грехопадение в теологии». Действительно, первородный грех и первоначальное накопление одинаково важны для понимания зла.

Глобальная история материального сырья развивалась вместе с глобальной историей духовной работы. От Лютера до Сведенборга и от средневековых алхимиков до русских старообрядцев, религиозные мыслители и еретики были вовлечены в добычу, обработку и интерпретацию даров природы (см. главу 6). История ресурсов всегда была историей транспорта, путешествий и приключений; и ее культурные аспекты неотделимы от географических. От шелка до сахара, от пороха до нефти — многие из ресурсов, центральных для западной истории имели восточное происхождение. История природных ресурсов всегда была историей колониальных захватов, присвоения и эксплуатации.

Смысл моей книги не в том, чтобы дать редуцирующее объяснение человеческому опыту; наоборот, он в том, чтобы научиться различать партнеров в пшеничном зерне, конопляном волокне или куске угля. Эти частицы освоенной природы сложнее и разнообразнее, чем своенравие замечательных людей или унылая предсказуемость власти. Мир — это уникальное единство человека и природы; и раз уж изменить его не удалось, надо понять, как он устроен. В нашу мрачную эпоху это и есть задача Нового Просвещения.

Эпоха Просвещения началась с катастрофы. Лиссабонское землетрясение 1755 года потрясло мир, заставив задуматься

Предисловие

о природе зла. Среди выживших был герой романа Вольтера «Кандид, или Оптимизм». Милый юноша, он верил своему учителю Панглосу, лучшему философу Германии: «Доказано, что все таково, каким должно быть... Камни сотворены для того, чтобы строить из них замки... Свиньи созданы, чтобы их ели... Отдельные несчастья создают общее благо, так что чем больше таких несчастий, тем лучше», — говорил ему Панглос. Но тут учитель заболел сифилисом; хуже того, вместе с учеником он бежит в Лиссабон, где видит гибель 30 000 человек и сам попадает на эшафот. Потом Кандид очутился в заокеанской стране Эльдорадо: телеги там сделаны из золота, а из фонтанов течет ром. Вечный странник, Кандид бежит и оттуда, чтобы попасть в Суринам, голландскую колонию. Тут он знакомится с черным рабом с сахарной плантации: тот потерял руку, когда она попала в жернова, а потом пытался бежать и ему отрезали ногу, — «вот цена, которую мы платим за то, чтобы у вас в Европе был сахар». Он не знал слова «оптимизм», и Кандид объяснил ему: «Оптимизм — это страсть утверждать, что все хорошо, когда в действительности все плохо».